

ушовъ въ горло и проколовъ на-смерть. Купцы перепались всѣ, она и говоритъ: „Не бойтесѣ, это самой разбойникъ и есть, которой погубивъ у меня мужа и съ масломъ онъ подѣзжавъ!“.. Тѣмъ и кончилось.

Вельскій у, дер. Прилуки. Зап. со словъ крест. Кузьмы Анфимова 90-е годы.

26. Иванъ Царевичъ.

Жилъ-былъ царь, у царя родивсѣ сынъ Иванъ Царевичъ, и такая-то родиласѣ безупокоиця, што не могли укацеть не бабки, не матки, не крестовыя божатки, и садивсѣ (тогда) кацеть самъ царь и говоривъ таковы слова: „спит-ко, мое цядо милое, дитя любимое, вырастешъ большой и я тебя жоню на Марьѣ-красѣ, на черной косѣ, тремъ маткамъ доцька, сорока бабушкамъ внуцька, тридцети братцямъ сестра!“ Вотъ онъ сутки спитъ, другіе спитъ, на третьи пробудитсѣ и тово пуще заревитъ. Садилисѣ кацеть бабки, матки и крестовыя божатки и не могли ево укацеть. Садивсѣ кацеть самъ царь и говоритъ ему таковы слова: „спит-ко, цядо мое милое, дитя любимое, вырастешъ большой и я тебя жоню на Марьѣ-красѣ, на чорной косѣ, тремъ маткамъ доцька, сорока бабушкамъ внуцька, тридцети братцямъ сестра!“ Вотъ онъ сутки спитъ, другіе спитъ, на третьи пробудитсѣ и тово пуще заревитъ. (Въ 3-й разъ повтореніе того-же). Выростаеть Иванъ Царевичъ отъ двухъ годковъ до трехъ, отъ трехъ до пяти, отъ пяти до десети, отъ десети до двадцети и похаживаетъ по улоцькѣ, пинаетъ шишецьки и пнувъ одну онъ бабушкѣ на задворинкѣ въ оконенку. Вотъ бабушка забиласѣ по-плечъ въ окно и говоритъ: „Экой ты, Иванъ Царевичъ, у меня изломавъ оконенку, а у меня и поцинить-то не на што!“ Сунулъ Иванъ Царевичъ руку въ карманъ и достаетъ злата-серебра и подаетъ бабушкѣ поцинить оконенку. Бабушка и баеть ему: „вотъ какъ ты родивсѣ, Иванъ Царевичъ, и такая была безупокоиця, што тебя кацели и бабки, и матки, и крестовыя божатки — не кто не могъ укацеть, и садивсѣ тогда твой батюшко царь самъ кацеть и говоривъ таковы слова: „спит-ко, мое цядо милое, дитя любимое, вырастешъ большой и я тебя жоню

на Марьѣ-красѣ, на черной косѣ, тремъ маткамъ дочка, сорока бабкамъ внуцка, тридцети братцямъ сестра, а теперь и въ поминѣ нѣтъ, што жонить на этой нивистѣ“.

Иванъ Цяревицъ воротивсе въ свой домъ и спрашиваетъ у своего батюшка: „Што-жо, батюшко, ты ладилъ меня жонить на Марьѣ-красѣ, на черной косѣ, когда садивсе кацеть, а нынѣ и въ поминѣ нѣтъ, што жонишь меня на этой нивистѣ?“... „Волей поѣду жонитсѣ, и неволей поѣду этой нивѣсты добиратсѣ. Царь на это нечего не сказавъ. Иванъ Цяревицъ обѣдлавъ, обуздавъ своего доброго коня и поѣхавъ во-далече-далеценъко, за тридевять земель, за тридевять морей, въ э-ко-то царство. Ъхавъ онъ сутки, другіе и третьи и наѣхавъ на бѣль-шатеръ полотняный и проситсѣ подъ окномъ ноцевать: „Господи, помилуй! Дома-ли хозяинъ?“ Отворила старушка оконенку и говорила таковы слова: „Я живу 90 лѣтъ, мимо меня не конной не проѣзживавъ, не пѣшій не прохаживавъ, птица не пролетывала, зверь не прорыскивалъ, а какъ ты смѣлъ подъ моимъ окошкомъ колотиться?“ „Эй, бабушка, я не по охотѣ, а по неволѣ!“ — Ну, скажись-жо, какихъ (ты) родовъ, какихъ городовъ, каково отца-матери сынъ и какъ тебя зовутъ? говоритъ бабушка. Онъ на отвѣтъ ей сказавъ:—Эй, бабушка! сначала пусти ноцевать, напои, накорми и спать повали, я тебѣ тутъ расскажу, какихъ родовъ, какихъ городовъ и каково отца-матери сынъ!“ Она пушала его ноцевать, напоила, накормила, послала постельку и спать уложила. Вотъ и сѣла къ нему въ зголовье и стала у него спрашивать; онъ сказался, какихъ родовъ и какъ зовутъ по имени. — Куда-жо ты, Иванъ Цяревицъ, поѣхавъ? — Я, бабушка, поѣхавъ жонитсѣ.—На какой нивѣстѣ, говоритъ?—Я поѣхалъ жонитсѣ на Марьѣ-красѣ, на черной косѣ, тремъ маткамъ дочка, 40-а бабкамъ внуцка, 30-мъ братцямъ сестра.—Ну, говоритъ, дитя, ты далеко забираешься, я, говоритъ, ей бабушка; тебѣ будетъ на три года ѣздить по бабушкамъ, рукописание отбирать, она безъ согласія единой бабушки не пойдетъ. Молись Спасу да лежись спать, — утро вечера мудреняя“. Она знала всѣхъ своихъ сестеръ и написала ему сорокъ безъ двухъ грамотокъ. Онъ по-утру встаетъ ранехонько, обувается глядехонько и умывается билехонько, сѣвъ, позавтракавъ, грамотки взявъ и садивсе

на своево доброво коня и поѣзждаетъ опеть въ путь, во дороженьку.

Сутки ѿдетъ, другіе ѿдетъ и наѣхавъ на бѣль-шатеръ полотняной и просится ноцевать такъ-жо, какъ и у первой бабушки: „Господи, благослови и освободи отъ темной ноци! Бабушка! пусти ноцевать... „Она такъ-жо сказала, што я живу 80 лѣтъ, мимо меня не кто не проѣзживалъ, иѣшій не прохаживалъ, птица не пролетывала, а какъ ты смѣлъ подъ моимъ окномъ колотиться? „И, бабушка, ѣду не по охотѣ, а по неволѣ; когда меня пристигла темная ноць, то должонъ я колотиться подъ твоимъ окномъ.“ Она стала опеть спрашивать, какихъ онъ родовъ, какихъ городовъ и каково отца-матери сынъ? — „Запусти, бабушка, напои, накорми и спать ували, тогда я тибѣ скажусь!“ Она запустила ево, напоила, накормила и спать увалила и стала ево спрашивать. Онъ сказался, што зовутъ ево Иванъ Царевичъ. Куда-жо ты, говоритъ, поѣхавъ? — Поѣхавъ я жониться.“ „А на какой нивѣстѣ? — „На Марьѣ-красѣ, на черной косѣ (и т. д.)“ Далѣко, говоритъ, ты, дитя, забираешься, тибѣ будетъ на три года по нашимъ бабушкамъ ѿездить, она безъ рукоприкладства единой бабушки не пойдетъ.“ Онъ на отвѣтъ ей сказавъ: „за тобой дѣло станеть-ли, нѣтъ-ли, а за тѣми дѣло не стало: у меня сорокъ безъ двухъ грамотокъ въ карманѣ ужь.“ Бабушка говоритъ: „за тѣми сестрами дѣло не стало, и за мною не станеть“. Она сейчасъ написала грамотку свою и отдала ему.

По-утру встаетъ Иванъ Царевичъ ранехонько, обухается глядохонько, умывается билехонько, сѣвъ позавтракавъ; потомъ сядивсе на своево доброво коня и поѣхавъ во путь, во дороженьку. Сутки ѿдетъ, другіе и третьи ѿдетъ. Скоро сказка сказывается, да не скоро дѣло діется! Приѣхавъ онъ въ городъ и прямо угодивъ на ту фатѣру, куда она, эта нивѣста ходить каждый день въ гости (къ бабушкѣ), и просится опеть ноцевать. Бабушка эта тожо спрашиваетъ ево, какихъ онъ родовъ и городовъ и какъ зовутъ по имени? Онъ сказался. — Куда-жо ты поѣхавъ, Иванъ Царевичъ?—И, бабушка, поѣхавъ жониться на Марьѣ-красѣ, черной косѣ (и т. д.). — Она вотъ сейчасъ отъ меня изъ гостей. Но какъ-жо, тибѣ будетъ на 3 года ѿездить по нашему брату, бабушкамъ, она не выйдетъ безъ нашево

рукоприкладства. — Да, бабушка, — отвѣщаетъ Иванъ Цяревицъ, за тобой дѣло станеть-ли, нѣтъ-ли, а сорокъ безъ одной грамотки у меня ужъ въ корманѣ.“ — Ну, говоритъ, за тѣми сестрами дѣло не стало, за мной не станеть.“ Подписала и она грамотку. Вотъ онъ переночевалъ у бабушки этой ночьку, по утру сряжаетъ она Ивана Цяревица въ свое цвѣтно платье и отправляетъ ево во Божью церкву и наказъ ему наказываетъ: „Ну, Иванъ Цяревицъ, придешь во Божью церкву, Господу Богу помолись, на всѣ четыре стороны поклонись и увидишь, твоя нивѣста стоитъ о лѣвой крѣлось, и зайди ты впередъ еѣ и поклонись: „здравствуй, Марья-краса, черная коса, тремъ маткамъ доцька (и т. д.). Я тебя поздравляю: ты моя жона, а я твой мужъ!“ Онъ такъ и сдѣлавъ, какъ сказала ему бабушка. Марья-краса и закричала своимъ богатырскимъ голосомъ: „эй, братья, хватайте! Што за невѣжена надо мной надсмѣхаетсѣ. Онъ и пошовъ изъ церкви вонъ и зачали братья его хватать; но онъ былъ могучій богатырь, за которова брата хватить: за руку—рука прочъ, за ногу—ногу оторветъ, не могли схватить, изуродовавъ ихъ. Приходитъ къ бабушкѣ. Бабушка ево и спрашиваетъ: што тамъ діетсѣ?“ „Ой, бабушка, я едва-едва живой осталсѣ“, и розказавъ тутъ ей все. Ноцевавъ ещѣ ночьку. По-утру опеть отправляетсѣ въ ту-жо церкву. Бабушка ему говоритъ: „сего-дни двоємъ пуще закричить“. Онъ опеть то-жо самое продѣлываетъ, што и въ первой разъ; братья не могли ево схватить, только изуродовались. Ноцевавъ и въ третій разъ, походитъ онъ въ ту жо Божью церкву, а бабушка ему наказываетъ: „вставай ты у ее о правую руку и молитесь всю обидню заодно, и когды пойдете изъ церкви на паратное крыльцѣ, она впередъ тебя зайдетъ и поклонитсѣ, скажотъ: „милости просимъ, Иванъ Цяревицъ, ко мнѣ въ палату хлѣба-соли покушать!“ Ты на это не отвицай ничево. Она пойдеть въ улицу, а ты въ другую, за ней не ходи; эти улицы сойдутся, она опеть зайдетъ впередъ тебя и поклонитсѣ, но ты опеть за ней не ходи, сойдитесь опеть въ третій разъ, она поклонитсѣ и скажеть: „што-жо, Иванъ Цяревицъ, мной брезгуешь, што-ли? Милости просимъ ко мнѣ въ палаты хлѣба-соли покушать!“ Тогда ты за ней иди“. Онъ такъ все и сдѣлавъ, какъ велѣла ему бабушка: пошовъ за ней и гостивъ цѣлые сутки и

дала она ему отъ себя росписку: пойдешь ты, Иванъ Царевичъ, по край синя-моря темными дремуцими лѣсами и возьметъ тебя скука, нападетъ на тебя тоска, подумаешь, што я ѣздивъ столько времени, а ницево не выѣздивъ, тогда ты вынь эту росписку, роспецятай и процитай и увидишь, што передъ тобой будетъ "... Вотъ приходитъ Иванъ Царевичъ къ бабушкѣ изъ гостей, та и спрашиваетъ ево, што выходивъ?—Онъ отвицѣетъ: кажется, бабушка, я ницево доброво не выходивъ.—Однако, говорить, што на-нибудь выходивъ?—Дала она мнѣ отъ себя только одну росписочку. — „Ну, дитя, дѣло ладно — за росписочкой будетъ и сама!“

Вотъ онъ, заворотя оглобли, отправляется во путь, во дороженьку къ дому. Ъхавъ сутки, ѡхавъ двои и ѣдетъ по край синя-моря и взяла ево скука и тоска: онъ и подумавъ своимъ умомъ, штобы эту росписочку роспецятать? Взявъ да и роспецатавъ.

— Я давно, говорить съ тобой! И встала передъ нимъ Марья-краса, черная коса, и другъ дружкѣ онѣ тутъ обрадѣли и раскинули бѣлополотняной шатеръ, попили, поѣли, повеселились и разоставили кровати тесовыя, разослали перины пуховыя и легли они спать, опочинѣ держать со пути, со дороженьки. Ночью Марья-краса, черная коса, раскидалася, разметалася, и заспали онѣ богатырскимъ сномъ оба, а мимо ихъ идутъ двѣ поленицы. Она была очень прекрасна и завидна, одинъ изъ нихъ и говоритъ: „ахъ, братъ, намъ бы съ такою красавицей поспать!“ а другой отвицѣетъ: вотъ што сдѣлаемъ: „этому Ивану Царевичу отси-кѣмъ ноги и сволокѣмъ за ракитовъ кустъ“. Отсикли ноги, подрѣзали подколѣнные жилы и легли съ ней спать: одинъ по-сторону, другой—по другую. Она отъ богатырсково сна пробудилася, этому чуду дивилася — лежала съ однѣмъ, а теперь стало двое? и своими богатырскими долонями щелкнула ихъ въ одно мѣсто и осталась отъ нихъ одна грезь. Она тутъ стала жить по-край синя-моря и называется честной вдовой, родила она двухъ сыновей и питала ихъ у своихъ бѣлыхъ грудей и сверхъ тово акридою и дикимъ медомъ, и выросли у нее ужъ рѣзкіе сыновья и стали онѣ ходить за охотою и подстрѣливать гусей, лебедей и сѣрыхъ маленькихъ утицъ, и кормили свою матушку. Вотъ она имъ

однажды наказъ наказываетъ: говоритъ — дити мои милые! можоть вы найдете (нападете) двое на одново, вы одново пошибете, сразите съ ногъ, но вы не порите у ево груди бѣлыхъ, не закрывайте оцей ясныхъ, а спросите у ево про роды, про племени, какихъ онъ родовъ, какихъ городовъ и какъ ево зовутъ? А если онъ скажется, што Иванъ Царевичъ, то не троньте, это вашъ отецъ, а мой мужъ. [Въ это время у рассказчика замѣчаю слезы на глазахъ]. Они и отправились и видятъ, што на этотъ кустъ, гдѣ онъ лежавъ, прилетѣла птица и говоритъ человѣческимъ языкомъ: „ахъ, Господи! какую сего-дни далъ росу, кто бы умылся и далъ бы Богъ безглазому зринѣе, безногому—ноги!“ Услышавъ Иванъ Царевичъ эти слова птицы и вышоркалъ этой росой себѣ ноги и вышло на ноги изцѣленіе, и пошовъ онъ покрай синя-моря и встрѣтивъ этихъ двухъ поленицъ (сыновей), двое одново пошибли и большой братъ вынимаетъ вострой ножъ-кинжалищю и ладить ему вспороть груди бѣлыѣ и закрыть оци ясныѣ, малый жо братъ стоитъ и говоритъ: „ахъ, братъ, што намъ матушка наказывала, не велѣла спороть груди бѣлыѣ и закрыть оци ясныѣ, а велѣла спросить про роды, про племени, каково отца-матери сынъ и какъ по имяни зовутъ?“ Онъ на отвѣтъ имъ таковы слова сказавъ: „если бы я на васъ сидѣвъ, то не спросилъ бы я у васъ про роды, про племени, испоровъ бы вамъ груди бѣлыѣ и закрывъ бы оци ясныѣ!“ Они на то не разсердились: „Однако, доброй человѣкъ, скажи-жо намъ, какихъ ты родовъ, какихъ городовъ и какъ тебя зовутъ?“ Онъ сказавсѣ. Вотъ онѣ брали ево за бѣлыѣ руки, цѣловали въ уста сахарныи и называли ево батюшкомъ. Тутъ онѣ другъ дружкѣ обрадили и пошли къ бѣлому шатру и встрѣчаютъ ево жона: „ахъ, говоритъ, Иванъ Царевичъ, какъ ты на-гравявъ надо мной!“ Онъ на отвѣтъ ей сказавъ: „не я на-гравявъ надъ тобой, нашлись такіе злые люди и подрѣзали мои подколѣнныя жилы и сволокли меня подъ ракитовъ кустъ!“ Она ему сказала: „я тогда отъ сна пробудиласѣ, ле-жиласѣ съ однѣмъ, а стало двое, я ихъ своими долонями сщолкнула въ одно мѣсто, отъ нихъ только грезъ осталасѣ; не довго они и нажили, коли насъ разлучили...“ Вотъ они тутъ другъ дружкѣ обрадили и поѣхали къ своему батюшку, въ свое царство, и взяли съ собой сыновей. Встрицаетъ

ихъ батюшко необычайной радостью и спрашиваетъ: „Цядо мое милое! кто это у тебя есть—братья-проводники или кто?“—„Нѣтъ, батюшко, это ужъ сыновья мои!“ И пуще того царь обрадивъ, стали жить да быть и теперь живутъ....

27. Ѳедоръ Царевичъ.

Былъ у царя одинъ сынъ, звали его Ѳедоръ Цяревиць. Вотъ отецъ и мать ево умирають, онъ остается въ малыхъ лѣтахъ, вотъ вырастаетъ онъ до 20 лѣтъ и время приходитъ то, што надо жониться. У ево на дворѣ жили три служанки, и выходитъ первая служанка и говоритъ таковыя слова: „Возьми, Ѳедоръ Цяревиць, меня въ замужество: я мастерица хлѣбы пекчи!“ Онъ думавъ-подумавъ самъ себѣ: „што-жо мнѣ экая братъ, мнѣ печоново не прійѣсть“. Отъ той нивѣсты отказавсе. Выходитъ вторая служанка и говоритъ: „возьми, Ѳедоръ Цяревиць, меня въ-замужъ: я мастерица шить“. Онъ опеть думалъ-подумавъ: „што-жо мнѣ въ такой—и шитово не износить“. Отказавсе и отъ этой. Приходитъ и третья служанка и тожо говоритъ: „возьми, Ѳедоръ Цяревиць, меня въ-замужъ: я тибѣ принесу 9 сыновъ, ясныхъ соколовъ, и у каждово сына во лбу ясное солнышко, по косицямъ часты мелки звѣздоцки, въ затылкѣ свитѣль мисяць, по локоть руки въ золотѣ, по колѣно ноги—въ серебрѣ“. Вотъ онъ и задумава ее взеть, этакой нивѣсты, говоритъ, мнѣ не добратъсе, этакихъ сыновей мнѣ не народить, это будетъ украшеніе царству. Веселымъ пиркомъ да и за свадебку. Жонивсе Ѳедоръ Цяревиць; живетъ съ ней годъ и приживъ ей брюхо, она родила ему трехъ сыновей; царскіе роды (родственники) не досмотрили, кто такой родивсе и первой служанки матку въ бабки созвали побабницеть, въ банькѣ помытъ. Она и понесла злобу на Ѳедора Цяревица, што еѣ доць не взявъ, и снесла этихъ сыновей въ чисто поле и принесла отъ польской суки трехъ псовъ и говоритъ ему: „вотъ, Ѳедоръ Цяревиць, не взявъ моей-то доцери, гляди-ко—отъ суки-то три пса и родились!“

Ѳедоръ Цяревиць собиравъ всѣхъ князей, бояръ, рядовыхъ совдатовъ и всю чернеть и ладитъ(ь) жону казнить. Она была до всякова народу добродительна и стали тутъ ево